

В основе истории лежат реальные события на таджикско-афганской границе с начала девяностых годов прошлого века и до наших дней

ГЛАВА 1

ДРАКА В ОБЩЕЖИТИИ

Жгучим накалом пылает солнце, воздух нагрелся до невозможности, словно в сауне. Летом здесь всегда так — до середины дня земля и камни медленно нагреваются, а потом допоздна отдают свой жар. Пограничники на заставе без особой нужды на солнцепек не вылезают, стараются перемещаться из-под одного навеса под другой. Вокруг все застыло, в знойном мареве ни ветерка. Через бинокль по ту сторону границы, то бишь на том берегу реки Пяндж, можно разглядеть ближайший кишлак — таджикский; в кишлаке не видно ни души. Как утром прошел пожилой афганский пастух с десятком овец и собакой, так больше никто и не появлялся. Иногда от реки налетал легкий ветерок, вселявший надежды на то, что к вечеру поспеет.

Сначала начальник погранзаставы капитан Мансур Аскеров намеревался сжечь этот чертов героин

ближе к вечеру, по крайней мере когда начнет смеркаться, чтобы акция получилась более запоминающейся. Однако после некоторых раздумий капитан решил пожертвовать эффективным зрелищем и устроить наркотическое аутодафе среди белого дня, под лучами палящего солнца. Ведь если сегодня вертолет прибывает в городок на базу отряда раньше времени, как это порой случалось, тогда начнется спешка и вся процедура на заставе окажется скомканной: начнется суета, что-то привезут — почту, продукты, кого-то будут провожать. Ему же хотелось находиться в центре внимания, быть героем дня, богатырем, побеждающим монстра. Тем более что у него и впрямь богатырский вид.

Аскерову двадцать восемь лет. Он высокий, статный, глядя на него, понимаешь, что это человек большой физической силы. Но в первую очередь обращает на себя внимание его лицо — лицо отважного человека. Если бы какому-нибудь художнику или скульптору понадобился натурщик, символизирующий отвагу, лучше Аскерова не найти: волевой подбородок, тонкий орлиный нос, широкий лоб под иссиня-черной шевелюрой. Довершают портрет аккуратные усики, предмет его постоянных забот, над чуть припухлыми губами.

Поставив канистру с бензином на землю, Мансур прохаживался взад-вперед перед шеренгой солдат, произнося назидательным тоном:

— Построил дом. Смотрят на него люди — видят, что хорошо. Человека вылечил, он здоровый

стал. Тоже хорошо. Песню запоминающуюся сочинил, пусть даже как «джага-джага» или «му-си-пуси», люди послушали, потом напевают — очень хорошо. У каждого дела есть свой заветный смысл. А у нас? В наших действиях есть смысл или нету? Обязательно есть. И очень даже большой.

С этими словами Мансур взял канистру и осторожно, чтобы не забрызгаться, полил бензином полиэтиленовые пакеты, туго набитые белым порошком. Затем по его знаку один из солдат подал командиру горящий факел — обмотанную тряпкой доску от ящика, в котором пограничники получили консервы.

— Мы отобрали у бандитов миллион долларов! И сейчас сожжем его как мусор. Смотрите! Будете хвастаться девчонкам, что вы совершили. Раньше здесь такого не делал никто! — Сказав это, капитан бросил факел на один из пакетов, и вся пирамида вспыхнула с такой готовностью, будто только и ждала этого момента. — Горит миллион — а нам не жалко! — засмеялся Мансур. — Вот это песня!.. Вот это красота!.. Джага-джага...

Капитан, не мигая, смотрел на огонь. Пламя отражалось в его больших глазах, придавая лицу демоническое выражение.

Полиэтиленовые пакеты с порошком — героином — бурели, трескались и сворачивались в буйном пламени.

Солдаты смотрели на огонь спокойно и равнодушно. Лишь сержант Виктор Самоделко любовался огнем с откровенным торжеством. Глядя на

него со стороны, можно было подумать, что человек и впрямь всю сознательную жизнь посвятил борьбе с наркотиками и вот сейчас, после долгих мытарств, одержал решительную победу.

Иначе реагировал на происходящее угрюмый здоровяк прапорщик Федор Мюллер, явно не впервые наблюдавший подобное зрелище. Судьба давно забросила его в эти южные края, сразу после окончания училища. Раньше он жил в Казахстане. Сейчас в глазах Федора сквозила странная растерянность, как будто он вдруг по-настоящему осознал сущность происходящего: горит миллион, исчезает, его больше не будет в природе. Мотнув головой, прапорщик сбросил оцепенение и покосился по сторонам — не заметил ли кто случайно его слишком откровенного взгляда.

Нет, никто не видел. Первогодки — те вообще устали сидеть на костер разинув рты. Не понять, чем они восхищены: то ли волшебством огня, превращающего дорогой наркотик в простую золу, то ли капитаном, выглядящим мифическим персонажем, побеждающим монстра.

Обычно спокойный и сосредоточенный лейтенант Никита Жердев казался совсем выбитым из колеи и, похоже, плохо соображал, что вообще здесь происходит. Лейтенант с отрешенным видом безотрывно смотрел на огонь, на сокровище, которое безжалостно пожирает пламя, а перед глазами его стояла совсем другая картина. Все потому, что сегодня уезжала Тоня.

Как в воду смотрел Аскеров — вызвали его в

штаб погранотряда, и он, радуясь своей предусмотрительности, уехал, не дождавшись вертолета. А «вертушка» прибыла с королевской точностью — в назначенное время издали донесся знакомый характерный треск, потом в небе появился источник этого звука. Пассажирам спешащего в городок крытого «уазика» он издали показался парящим в воздухе водопроводным краном. Однако по мере приближения вертолет быстро превратился в ревущего, полного энергии зверя. Такого мощного, что он не сразу угомонился и после приземления. Наконец лопасти вертолета остановились, и выпрыгнувший на землю пилот принялся оживленно переговариваться с подошедшими к нему пограничниками. Всем своим видом пилот показывал, что явился в эту глушь ненадолго. Отдаст почту, скромный провиант, заберет пассажиров, как и было договорено, после чего отправится восвояси, в свою цивилизованную вотчину.

Выбравшись из «уазика», Тоня и Жердев, подойдя к вертолету, остановились. Изыщная, тонкая, по облику и по манерам «светская барышня», Тоня никак не вписывалась в серую обстановку военного городка. С первого и до последнего дня пребывания здесь она производила впечатление инопланетянки. В отличие от того же Жердева, который с первых дней службы выглядел аборигеном здешних мест. Сейчас Тоня и лейтенант, почти не глядя друг на друга, прощались, прекрасно понимая, что их совместное появление обязательно даст пищу для пересудов.

Строго говоря, пересуды уже начались. Начались тогда, когда один из сопровождавших девушки и лейтенанта, рядовой Исмаилов, прохаживаясь возле крытого «уазика», начал бросать на них любопытные взгляды. Он делал это украдкой, однако его любопытство не укрылось от второго сопровождавшего, сержанта Самоделко. Тот мурлыкал себе под нос немудреный мотивчик, потом прервал его и обратился к Исмаилову:

— Чего вылупился, салабон, тебе делать нечего?!

— Да не, я так, я и не смотрел... — пролепетал рядовой.

Самоделко пропустил слова салаги мимо ушей. Он закурил и сам начал разглядывать парочку у вертолетной площадки.

Неожиданно он спросил:

— Как думаешь, Исмаилов, был у них трах-тибидох или нет?

— Какой тибидох? — не понял тот.

— Секс, в смысле интим, у них был, чувырла?

Рядовой, смутившись откровенности вопроса, пробормотал:

— Не знаю. Она ж не его жена.

Услышав этот детский лепет, сержант презрительно фыркнул и наставительным тоном произнес:

— Гляди в оба: если поцелует его, значит, было.

Тем временем Тоня нервно теребила Жердева за отворот легкой камуфляжной куртки и дрожащим голосом уговаривала:

— Когда вернешься, скажи ему, что я сразу по-

звоню. Отдохну, успокоюсь, и он тем временем пускай успокоится.

Видимо, у Жердева имелось свое понимание обсуждаемой проблемы, поэтому он категорично оборвал ее:

— Я ему скажу, а он мне даст в морду без лишних разговоров.

Чувствовалось, Тоня страдает, с трудом сдерживает слезы и неспособна воспринимать никаких возражений. Она сказала:

— Объясни. Никита, ты же его давнишний друг, ты все понимаешь.

— Я-то понимаю. Поймет ли Юрка. Объяснять в такой ситуации, сама понимаешь, бесполезно.

— Пусть поймет главное — я не уйду, не бросаю его.

Лейтенант вновь нетерпеливо прервал Тоню:

— Тогда забираем вещи и едем обратно.

Она отрицательно мотнула головой, и Жердев принялся горячо убеждать:

— Тонечка, милая! Ты вернешься, а я переведусь на другую заставу. И все, и нет проблем.

— Глупости. Зачем так усложнять?

— Наоборот — я упрощаю. Пойми же, всем будет лучше. Ну решай. — Он решительно взял девушку за руку. — Едем.

Тоня, словно опомнившись, резко отдернула руку:

— Нет! Я туда не вернусь. — И умоляющим тоном добавила: — Не могу я там, Никита, не могу. Я же пыталась, сам знаешь...

— Ты совершаешь ошибку...

— Наверное. Возможно, я обыкновенная дура. Только здесь находиться больше не могу. Я тут задыхаюсь, с ума схожу!..

Жердев почувствовал, что девушка близка к истерике, и торопливо согласился с ней:

— Хорошо, хорошо. Поступай, как хочешь.

К вертолету подошли несколько военнослужащих с чемоданами, рюкзаками.

— Тонечка, пора, — крикнул издали пилот, — улетаем.

Она ласково коснулась ладонью плеча Жердева:

— Прости меня, Никитушка, пожалуйста, прости. — Чмокнула помрачневшего лейтенанта в щеку и поспешила к вертолету.

Наблюдавшие за сценой прощания Исмаилов и Самоделко переглянулись.

— Поцеловала, — простодушно констатировал рядовой.

Этим комментарием Исмаилов навлек на свою голову еще большее презрение сержанта.

— Ты хоть бабу живьем видел, сынок? — насмешливо произнес Виктор. — Не было у них ничего. Не так целовала. Это она его просто чмокнула.

Исмаилов растерянно оглянулся на приближающегося к машине Жердева. Правой рукой тот придерживал фуражку, чтобы не слетела от поднятого вертолетными лопастями вихря.

— Не пялься, а то нарвешься, — благоразумно посоветовал сержант Исмаилову.

На обратном пути лейтенант сидел рядом с водителем и мрачно смотрел перед собой. Что-то он

не сказал ей важное, не убедил, не остановил. Возможно, не Тоня сделала ошибку, а он сам проявил постыдную для военного человека нерешительность, которая отразится на их дальнейшей жизни.

Меньше всего лейтенант думал сейчас о том, что бойцы наблюдают за ним, и был удивлен, когда находившийся на заднем сиденье тихоня Исмаилов неожиданно обратился к нему:

— Товарищ лейтенант. А Антонина Николаевна на заставу вернется?

— Тебе-то чего! — откликнулся Жердев с привычной для него резкостью. Обернулся и немигающим взглядом посмотрел на пришедшего в ужас от собственной дерзости рядового, чем еще больше перепугал того.

— Ничего, это я просто так, — забормотал Исмаилов.

— Ничего — так помалкивай. Спи, пока едем.

Желая продемонстрировать солидарность с лейтенантом, сидевший за рулем Самоделко понимающе хмыкнул:

— Вот придурок выискался.

Теперь Жердев с той же агрессией накинулся на сержанта:

— Тебя кто спрашивает?! Самый умный, что ли?! Чем лезть в чужие разговоры, лучше на дорогу смотри.

Предупреждение было сделано очень вовремя, поскольку перед ними возник силуэт мужчины в камуфляже с автоматом. До него оставалось метров пятьдесят.

— Оружие к бою, — тихо скомандовал лейтенант. Исмаилов снял автомат с предохранителя. Размахивая рукой, человек в камуфляже вышел на середину дороги. За ним маячили две фигуры с автоматами на изготовку.

— Тормозим? — спросил Самоделко. Жердев кивнул и предупредил:

— Только не глуши. Без команды ничего не делать. — Лейтенант быстро, не глядя, передернул затвор пистолета.

Человек на дороге, прикрывая ладонью глаза от слепящего света фар, приближался к ним. Двое других держали «уазик» пограничников под прицелом.

Присмотревшись, Жердев с облегчением вздохнул:

— Отбой. Свои.

К машине подошел Салтан Пирмухамедов, лейтенант таджикского МВД. Это был круглолицый, вечно улыбающийся парень. Увидев в салоне знакомых пограничников, он дал отмашку своим бойцам, после чего те опустили стволы.

— Жердев, ты чего ради по ночам разъезжаешь?

— Да вроде бы еще далеко до ночи. А ты, Салтан, чего людей вечерами пугаешь?

— Поздних путников оберегаю. Вроде тебя. Здорово, Никита.

Жердев вышел из машины. Лейтенанты пожали друг другу руки, обнялись. Пограничник кивнул сопровождавшим милиционера контрактникам — сержанту и рядовому.

— А правда, кого вы тут пасете? — спросил Жердев.

— Черный джип.

— Который на той неделе вашего бойца застрелил?

— Тот самый. Видели джип два раза на этой дороге. Так и мотается он туда-сюда — от речки и обратно.

— Без номеров?

Салтан махнул рукой:

— Если и есть, то фальшивые. А ты откуда?

— Из городка. Антонину провожал.

— Шаврина женку? Она насовсем уехала?

— Мне-то откуда знать, — фальшиво произнес пограничник.

— Ох, красивая баба... А с какой это стати ты провожал? Где сам Шаврин?

— На заставе. Попросил он. Не мог. Ладно, поехал я, поздно уже.

Салтану было жалко, что хороший знакомый уезжает, хотелось еще поболтать. Он предложил Жердеву пахлаву, но тому сейчас было не до восточных сладостей, поблагодарив, отказался от угощения. Пирмухамедов с сожалением понял, что больше ему нечем задержать пограничника. Когда тот сел в свой «уазик», Салтан предупредил:

— Увидишь черный джип с черными стеклами — не вздумай разговаривать, сразу пали. Большое спасибо скажем.

— Так и сделаю, — пообещал Жердев. — Удачной тебе охоты.

До заставы пограничники добрались без приключений. Приехав туда, лейтенант сразу направился к дому офицерского состава, Исмаилов — в казарму. Самоделко отогнал машину в гараж. Он возвращался в казарму, напевая свою излюбленную «Муси-муси, пуси-пуси, миленький мой...», когда на плацу столкнулся с дежурным по заставе капитаном Клейменовым.

— Самоделко, ты сейчас у меня в сортире споешь, — пригрозил тот. — Застава спит, а он тут горланит.

— Так что разрешите доложить: застава никогда не спит, товарищ капитан, — с наигранной старательностью ответил сержант.

У них с капитаном свойские отношения. На вид Клейменов человек суровый и неприступный, на самом же деле — очень смешливый. Самоделко ему по душе — капитану нравятся такие разбитные балагуры, с ними веселей.

— Проводили? — спросил Клейменов почти шепотом.

— Проводили.

— Жердев как держался, нормально?

— Ну да. Не в настроении, конечно, что и говорить. Но более или менее нормально. А Шаврин тут как?

— Да ничего вроде.

— Скорей бы уж командир вернулся.

— Не говори, — вздохнул капитан.

— Его надолго вызвали?

— Да нет, завтра должен быть здесь. Дай бог, обойдется. Пока все тихо.

И тут же, опровергая его слова, из дома офицерского состава донесся невероятный шум. Ругались несколько человек, среди которых выделялся звонкий голос жены Клейменова, Катерины. Встревоженный Клейменов без лишних слов кинулся к зданию общежития. Сержант помчался за ним следом.

— Ты куда бежишь?! — обернувшись, на ходу рывкнул капитан.

— Может, помочь нужно, мало ли что...

— Назад, я сказал!

— Но, товарищ капитан...

— Марш в казарму!

Самоделко нехотя остановился, с любопытством глядя на окна общежития. Было досадно — лишился пикантного зрелища. Интересно, что там стряслось?

Случилось же следующее. Наскоро сполоснувшись после дороги, Жердев возвращался из душевой по коридору. Проходя мимо шавринской комнаты, остановился возле двери и прислушался. Ему хотелось войти к Тониному мужу, откровенно потолковать с ним, однако лейтенант преодолел это, как ему показалось, несолидное ребяческое желание и ушел к себе. Но почти сразу вышел обратно и снова приблизился к комнате Шаврина. Постучал едва слышно и, не дождавшись ответа, через минуту постучал сильнее. На этот раз дверь открылась.

На пороге стоял Шаврин — помятый, взлохма-

ченный, с покрасневшими глазами. Он явно был пьян. Юрий смотрел на соседа тупым, мутным взглядом, словно не узнавая того. Жердев, смутившись, не знал, с чего начать разговор, да и стоит ли сейчас разговаривать — уж слишком заметно было, что Шаврин находится далеко не в лучшей форме для серьезной беседы, и Никита решил все же ретироваться.

— Ладно, все в порядке, — с наигранной бодростью произнес он. — Извини, что разбудил. Спи, завтра поговорим.

Однако Шаврин был не настолько пьян, как показалось с первого взгляда. Ему хотелось что-то сказать, и он остановил уже собравшегося уходить Жердева:

— В порядке, говоришь, дружище?

— Да. Проводил. Она просила передать, что... Шаврин не дал договорить, неожиданно нанеся Никите сокрушительный удар в челюсть. Удар был настолько силен, что Жердев отлетел к противоположной стене коридора, здорово стукнувшись о нее плечом. Коренастый Шаврин ястребом бросился на добивание противника. Однако Никите, который был на голову выше своего соперника, удалось увернуться от второго удара и обхватить Юрия за плечи, лишив его таким образом возможности маневрировать.

— Да перестань ты, дурак! Кончай бузить!..

Несмотря на увещевания, Шаврин все равно норовил боднуть Жердева головой в лицо. Никита тоже разозлился не на шутку и, изловчившись, с

силой ударил строптивца кулаком левой руки в солнечное сплетение. Шаврин ойкнул и упал на колени.

— Уймись же ты, блин! — сказал тяжело дышавший Жердев. — Пойдем в комнату. Вставай, Юрка, не валяй дурака.

Он хотел помочь Шаврину подняться, однако тот не оценил его гуманных побуждений. Встав на ноги, Юрий вновь бросился в атаку с истошным воплем:

— Убью, сука!..

Пытаясь утихомирить его, Жердев не удержался на ногах, и они оба с грохотом свалились на пол.

Из дальней комнаты на шум выглянула Катерина Клейменова — миловидная женщина лет двадцати восьми. Она была в халате, с полотенцем на голове. Возмутилась:

— Вы очумели, что ли, петухи?! Что вы людям спать не даете! Я все Мансуру скажу!

Она поспешила к драчунам. Шаврин тянул руки, пытаясь схватить Никиту за шею, а тот, стараясь вырваться, изо всех сил молотил его по животу.

Увидев, что дело принимает серьезный оборот, Катерина испуганно запричитала:

— Ребята, вы что, рехнулись! Ребята, да будет вам, угомонитесь. Соображать надо.

Лейтенанты не обращали на нее ни малейшего внимания. Улучив момент, Шаврин правой рукой сильно ударил Никиту в ухо. Тот, покачнувшись, на мгновение забыл о защите. Этого мгновения Юрию

было достаточно, для того чтобы вцепиться своей жертве в горло и приняться ее душить.

— Ну ты и тварь, — с трудом просипел Жердев.

Напрягшись, он все-таки сумел освободиться из цепких рук Шаврина. А тут на крики жены подоспел Клейменов. Теперь они втроем сдерживали Тониного мужа. Оба драчуна тяжело дышали, постепенно успокаиваясь, один утирал разбитую губу, второй — расквашенный нос.

— Юр, ну не надо, — уговаривала Катерина. — Чего ты напридумывал себе глупости всякие, Никита же твой друг.

Шаврин, затихая, зло поглядывал на Жердева, бурчал:

— Ну да, таких друзей я бы...

— Еще и выпил к тому же, — продолжала Катерина. — А если Аскеров узнает?

— Пусть знает. Значит, была причина.

Одновременно Клейменов так же увещевал тихо матерившегося Жердева:

— Ты-то, Никита, куда полез, куда полез? Ведь ты же трезвый.

— Да я-то чего, он сам кинулся как больной, — с обидой оправдывался Жердев. — Что мне оставалось делать?!

— Вы бы еще на плацу перед строем кулаками помахали. Деятели, блин!

— Да я ж говорю, рта раскрыть не успел — он мне с порога врезал промеж рогов, я еле на ногах удержался...

Попросив у мужа носовой платок, Катерина вы-

тирала кровь на лице Шаврина: у того была расщеплена бровь, расквашена нижняя губа, поцарапана щека. Клейменова тащила его в комнату, приговаривая с материнскими интонациями в голосе:

— Пойдем, Юрочка, пойдем — ляжешь на бочок. По-моему, ты сегодня ничего не ел. Хочешь, я тебе куриного бульончика принесу?

— Не, Кать, спасибо. Я пойду, я спать хочу, умираю.

— Вот и славненько. Пойдем. Хочешь, я с тобой посижу?

Неожиданно у Шаврина на глазах выступили слезы. Остановившись, он уперся рукой в стену, словно разом потеряв силы.

Заметив это, Жердев виновато окликнул его через плечо загораживающего ему дорогу капитана:

— Юр! Юра!.. Слышь, давай забыли все это, ладно, Юр?..

— Да пошел ты ко вшам! — огрызнулся тот.

Словно обретя силы от нового приступа злости, Шаврин рывком открыл дверь и тяжело ввалился в свою комнату. Катерина ловко проскользнула следом за ним. Никита тоже было сделал движение в сторону шавринской обители, однако капитан придержал его за локоть:

— Послушай, Никита, оставь ты сегодня его в покое, не трогай! Завтра поговорите. Так-то оно лучше будет.

Аккуратно прикрыв дверь, Катерина присела рядом с Шавриным, который лежал на кровати, схватившись за голову руками. Она опасалась, что

в таком состоянии лейтенант способен выкинуть нечто непредсказуемое, пахнущее дурными последствиями. Ей даже боязно было самой себе называть те поступки, которых она страшилась. Гневная офицерская ссора — это вам не какой-нибудь там спор друзей о политике.

— Ну чего ты, Юра, сам дурью маешься и других мучаешь? — задала она риторический вопрос — нужно же было поддержать разговор.

Шаврин нечленораздельно замычал, превозмогая сжигающую его изнутри боль. Потом вдруг прошептал сквозь зубы:

— Ох, тошно мне, Катерина. Ты даже не представляешь, до чего мне сейчас скверно.

Клейменова налила из графина воды и протянула ему стакан:

— Попей, освежись.

Неожиданно покорно Шаврин взял стакан и большими глотками выпил всю воду.

— Да вернется Тоня, вернется, не гоношись. Я же прекрасно знаю ее характер. Немного отдохнет и вернется. Гораздо раньше, чем ты думаешь. И все будет хорошо.

Шаврин немигающим взором уставился в потолок, не воспринимая ее слова.

— Да бог с ней, с Тоней... бог с ней... — Он сделал глубокий вдох и с шумом выдохнул. — Может, и вернется. Это уже ее проблема.

Последние слова он произнес ровно, без надрывной интонации, и Катерина приняла его отрешенность за успокоение.

— Правильно, зачем осуждать ее. Конечно, с непривычки Тонечке тяжело. Сам знаешь, из какой она семьи — сугубо мирной. Ничего похожего в жизни отродясь не видела и вдруг здесь очутилась. Вот и запаниковала. Но все у вас наладится. Она тебя любит. Это я точно говорю.

— Возможно, ты и права.

— Да и вообще, Юра, слишком молод ты еще, чтобы грустить. — Улыбнувшись, Катерина взерошила ему и без того лохматые волосы. — Что хочешь, то и будет у тебя в жизни. Чего раньше времени себя изводить?

— Это однозначно. — Шаврин слабо улыбнулся от ее прикосновения. В глазах появилось выражение благодарности. — Спасибо тебе, Катюша. Все прошло, сгинуло. Оклемался. Теперь как огурчик. Ты права — не надо падать духом...

...Озабоченные Жердев и Клейменов стояли возле входа в дом офицерского состава. Никита нервно курил — одна затяжка за другой. Капитан почесал затылок — как человек, столкнувшийся с неразрешимой задачей, и спросил:

— Что же мне теперь — между вами усиленный караул ставить?

— Да не берите в голову, отойдет он. — Жердев снова глубоко затянулся. — Юрка еще в училище отличался заскоками — вот так психанет, потом неделю с кислой рожей ходит, и все. Мы уже к этому привыкли.

— Сейчас причина-то посерьезней будет. — Клейменов вздохнул.

Жердев был вынужден согласиться с таким утверждением. Он даже предложил свой выход из создавшегося положения:

— А что, если Юру попросту отправить в отпуск?

— Кстати, хороший вариант, — согласился капитан и пытливо посмотрел на Жердева. — Значит, говоришь, ни за что тебя ударил?

— Конечно, ни за что.

— А может, все-таки есть причина? Не зря же Аскеров предупреждал.

— Господи, и ты туда же! — обидчиво вспыхнул Никита.

— Ты мне не тычь, лейтенант, — одернул его Клейменов. — Не забывайся.

— Извините, товарищ капитан.

— То-то же. А сейчас иди спать. Утро вечера мудренее.

Торопливо загасив окурочек, лейтенант удалился. Вскоре из дома вышла Катерина и сообщила нетерпеливо ожидавшему ее мужу, что Шаврин лег спать.

— Взяла? — коротко спросил Клейменов.

Вместо ответа она достала из кармана халата пистолет «макаров» и отдала капитану.

— Молодец. Он не заметил?

— По-моему, нет.

— Ну и славненько. А то ведь не заснешь с этими башибузуками.

Они присели на стоявшую возле входа скамейку.

— Да я и так теперь не засну, — вздохнула Катерина. — Ты Мансуру расскажешь?

— Скрывать от него бессмысленно. Все равно узнает.

— Только не говори, что Юрка был пьяный.

— Что ж я, идиот — такие вещи рассказывать!

Закинув голову, Катерина посмотрела на густо усыпанное крупными звездами небо и вздохнула:

— Ночь такая хорошая, романтичная. И чего сцепились? Чего им, дуракам, не хватает?

— Потому что вы, бабы, доводите, — объяснил капитан. — Все от вас.

— В принципе ее тоже понять можно.

— Антонину? — Клейменов удивленно вскинул брови. — Вот уж никогда таких дамочек не понимал. Неужто она думала, ее здесь поджидает высокогорный курорт? Соображать надо, куда едешь. Большая уже. Ты же все понимала.

— Повезло тебе, — откликнулась Катерина и искоса поглядела на мужа — сознает ли он, что так и есть на самом деле. Капитан добродушно ухмыльнулся:

— Знаю. У нас вообще все с тобой правильно. Тебе не холодно?

Он ласково обнял жену за плечи. Катерина покрепче прижалась к нему. Некоторое время они сидели молча.

— А ночь правда выдалась хорошая, тихая, — сказал Клейменов и тут же, постучав по деревянному сиденью скамейки, сплюнул через плечо — чтоб не слазить. Затем, посерьезнев, встрепенул-

ся — как же он вдруг позволил себе романтические бредни? Сказал жене: — Ступай спать. Я схожу на КПП.

— Можно я с тобой?

— Нет. Нас неправильно поймут.

Расставшись с Жердевым, лейтенант таджикского МВД Пирмухамедов оставил двоих контрактников, сержанта и рядового, на дороге, а сам прилег вздремнуть в помещении блокпоста. Накануне Пирмухамедов рано встал, весь день чувствовал себя невыспавшимся и сейчас хотел урвать хотя бы часок. Однако вскоре солдат разбудил его, сказав, что к ним приближается легковая машина. Растирая ладонями заспанное лицо, Салтан вышел на обочину и увидел, как вдалеке светят фары приближающейся машины. Внезапно лицо его сделалось напряженным: лейтенант разглядел, что к посту направляется джип, правда, пока непонятно было, какого цвета. Джип двигался со стороны границы, оттуда, куда чуть раньше направился «уазик» пограничников.

Выразительным жестом Салтан приказал подопечным занять позиции. Они встали на противоположных обочинах и, вскинув короткоствольные автоматы, взяли подъезжающую машину на прицел. Лейтенант вышел на середину дороги и, подняв руку, сделал водителю знак, чтобы тот остановился. Джип послушно притормозил.

Держа левую руку на спусковом механизме автомата, Пирмухамедов осторожно приблизился к

машине. Это был джип черного цвета с сильно тонированными, почти черными стеклами. Такое сочетание производит неприятное впечатление даже на оживленной, освещенной дороге, а в этой глухомани и подавно. Лейтенант громко сказал:

— Выходите из машины — с поднятыми руками!..

Открылась левая передняя дверь, и лейтенант смог приглядеться к пассажиру, неподвижно сидевшему рядом с водителем. На лице Салтана появилась недоуменная улыбка: в пассажире, человеке с черно-белой арафаткой на голове, он узнал своего земляка Фархада, по слухам живущего сейчас на другом берегу реки, за границей, и занимающегося какими-то темными делишками, связанными с наркотиками.

— Э-э, оказывается, ты здесь, Фархад. Откуда прибыл, дорогой? — сказал он на фарси.

— Салам алейкум! — поприветствовал его земляк. — Разве удивительно, что соседи встретились?

— Слышал, ты совсем в другом месте живешь.

— Это как сказать, Салтан. Сегодня здесь, завтра там. Руки-ноги есть — передвигаюсь.

— Для этого у тебя такой мощный танк имеется? Почему раньше не похвастался? Ты кто теперь у нас — шах или только водитель у шаха?

— Шах, шах, — со смехом ответил еще один невидимый пассажир, расположившийся на заднем сиденье.

— Слушай, мне обидно, я тоже хочу жить красиво.

Салтан, обернувшись, подмигнул своим подопечным. Они, заулыбавшись, убрали оружие за спину.

Судя по всему, лейтенант разговаривает со старым другом.

— Чтобы иметь такую машину, нужно торговать хорошим товаром, — сказал Фархад. — А ты, мне говорили, сестру замуж выдаешь. Может, Зухра за меня пойдет? Я хороший калым дам.

— Это ты верно сказал, земляк, — подтвердил лейтенант, — сестру замуж выдаю. А насчет калыма... Сперва покажи свой товар — тогда посмотрим. Что тут у тебя, не стесняйся, мне интересно.

— Смотри сколько угодно.

Нагнувшись, Салтан заглянул в салон, попытался разглядеть, что лежит на заднем сиденье. Но тут раздался выстрел — и милиционер упал навзничь с кровавой дыркой во лбу. На его лице застыло последнее выражение — досады.

Из джипа быстро выскочили два человека, плохо различимые в лунном свете. Оба милиционера, оторопев, схватились за оружие, однако было поздно — нападавшие стреляли очередями из короткоствольных автоматов. Сержант и боец упали за-мертво. Тем не менее подбежавший Фархад выстрелил каждому в голову. Перед тем как забраться в машину, он выстрелил и в Салтана, с усмешкой обратившись к нему:

— Грустной будет свадьба твоей сестры, земляк.

Неожиданно поднялся сильный ветер, и за его шумом часовой у КПП заставы Саидов не сумел разобрать, то ли со стороны перевала донеслись звуки выстрелов, то ли ему почудилось. Пришед-

шему же Клейменову вообще было не до этого, поскольку как раз в тот самый момент он услышал несомненно близкий выстрел и, не раздумывая, ринулся в общежитие, где уже царила тревожная паника. По коридору бежал прапорщик Мюллер и стучал кулаком во все двери подряд. Выглядывали ничего не понимающие жильцы. На ходу застегивая халат, из своей комнаты появилась Катерина. Спросонья распахнул дверь Никита Жердев — в трусах, с распухшей губой и фонарем под глазом. Спросил прапорщика:

— Гансыч, тревога, что ли, объявлена? Что-то я не врублюсь.

Мюллер, угрюмый здоровяк, самый старый на заставе, лет сорока пяти, не ответил — он уже барабанил в дверь шавринской комнаты.

— Что вы не угомонитесь никак, я только- только заснула, — сонно бормотала Катерина.

Мюллер вскинулся:

— А вы ничего не слышите?! Или оглохли все?!

— Ты тоже, похоже, оглох. Тут такой гвалт стоял час назад — ты без задних ног спал!

— Никакого гвалта не слышал, а что сейчас из «тэтэшника» шмальнули, это натурально.

— Нет тут ни у кого «ТТ», — сказала Катерина и обернулась к Жердеву за подтверждением своих слов, однако по его опрокинутому лицу поняла: у кого все-таки «тэтэшник» есть.

Тем временем Мюллер без лишних слов мощным ударом плеча высадил дверь в комнату Шаврина. Она была освещена настольной лампой с